

упоминается, но в такой пластической форме, которая не дает однозначной истины. Повествование выступает из тьмы сознания, ускользает обратно, высвобождается от хаоса и чувства потерянности, очищается от человека-массы (they), призрачных представлений (we), открыто взглядывает в лицо жизни (Love me, love my umbrella). И тогда, по Ортеге, обретенный им (=человеком с ясным умом) новый решительный, трагический, абсолютно правдивый взгляд на мир поможет ему упорядочить хаос своего существования. В этом мире истинны только те мысли, которые приходят в голову утопающему, пыгающемуся спастись. Все остальное риторика [Ортега-и-Гассет, 1991, 190].

Литература

1. Корман Б.О. Опыт описания литературных родов в терминах теории автора (субъектный уровень). // Проблема автора в художественной литературе.— Вып.1.— Ижевск: Труды Удмуртского ун-та, 1974.— С.219-224.
2. Ноздрин Л.А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте: Автореф. дис...докт. филол. наук.— М., 1997.— 47с.
3. Joyce J. Giacomo Joyce // Джойс Д.Дублинцы. Портрет художника в юности.— М.: Прогресс, 1982.— Р.443-454.
4. Ауэрбах Э. Мимесис изображения действительности в западноевропейской литературе.— СПб.: Университетская книга, 2000.— 511с.
5. Ортега-и-Гассет И. Дегуманизация искусства и другие работы. Эссе о литературе и искусстве.— М.: Радуга, 1991.— 639с.
6. Серов Н.В. Светоцветовая терапия.— СПб.: Речь, 2001.— 254с.
7. Купер Д. Энциклопедия символов.— М.: Золотой век, 1995.— 401с.

В.К.ХАРЧЕНКО

г.Белгород

НОВЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО ЯЗЫКА: ПРЕДИСЛОВИЕ И ПОСЛЕСЛОВИЕ

В современной русистике давно назрела необходимость издания словаря современного детского языка, достаточно объемно и многоаспектно отражающего хронологию языкового развития русскоязычного ребенка. В различных регионах страны, в университетах таких городов, как Орел и Череповец, Саратов и Иваново, Пятигорск и Екатеринбург, Тьнда и Воронеж, все большее внимание уделяется исследованию детской речи как в теоретическом, так и в прикладном ракурсах. Онтолингвистика становится ведущей отраслью психолингвистики. Исследование языковой личности носителя русского языка не может не сопровождаться созданием полнокровного банка данных по детской речи.

В издательстве Белгородского государственного университета в конце 2002 г. вышел „Словарь современного детского языка” в двух томах, составленный В.К. Харченко.

Целью данной работы, по существу прикладной, но обеспечивающей в перспективе расколосье теоретических, фундаментальных исследований онтогенеза речи, является максимально возможный сбор лексикографического материала, отражающего творческую пластику детского слова, и, как следствие, в дальнейшем возможность изучения и сбережения этой пластики. Опыт предыдущих лексикографических изданий, а именно трех словарей детской речи (*В.К. Харченко. Словарь детской речи. — Белгород: Изд-во Белгородск. гос. пед. ин-та, 1994. — 13 п.л.; В.К. Харченко и др. Парадоксы детской речи. Опыт словаря. — Белгород: Изд-во Белгородск. пед. ун-та, 1995. — 8,3 п.л.; В.К. Харченко. Словарь-тезаурус детской речи. — Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2001. — 13 п.л.*) позволил отработать равно как методику сбора материала, так и методику его презентации в словаре.

Настоящий словарь по своему содержанию включает в себя не только материалы ранее изданных нами словарей детской речи, но также вбирает в свои орбиты и новую картотеку еще нигде не опубликованных детских речений. Опыт двадцатилетней работы по сбору детского слова и составлению словарей дает возможность более определенно фиксировать, что именно нуждается в лексикографическом отражении.

Объем словаря составляет 8263 единицы. В словаре отражены 12980 детских высказываний. Глубина словарной статьи, то есть соотношение детских слов, подкрепленных одним высказыванием и подкрепленных серией высказываний, составляет 0,63, то есть оказался сохраненным принятый ранее нами принцип золотого сечения.

Реальный словарный фонд данного издания несколько превышает приведенные числовые показатели, поскольку в словаре широко использовалась система отсылок. Увеличившийся объем материала потребовал более широкого использования отсылочной методики. Чтобы не членить детское высказывание, чтобы не разрывать, не обрывать на самом интересном, мы фиксировали прозвучавшее высказывание под флагом наиболее выразительного его компонента, вот почему в конце многих статей после знака „См.“ указывается, где еще можно найти примеры на употребление данного слова (таких отсылок в финальной части словарных статей — 189, однако значительно чаще словарная статья целиком носила вынужденно отсылочный характер). Делалось это не только из-за стремления сохранить целостность детского высказывания, но и еще по двум следующим причинам. Это экономия площади словаря и стремление не дублировать материал. При яркости многих детских речений подобное дублирование выглядело бы назойливо.

Детская ветвь отечественной лексикографии открыла для нас до десяти типов лексикографических противоречий, преодоление которых составляет главную трудность формирования банка данных словаря. Это

противоречие между шириной словника и глубиной словарной статьи, противоречие между языковыми и концептуальными приоритетами при выборе леммы, противоречие между точностью фиксации устного слова и требованием элементарного редактирования, противоречие между количеством опрашиваемых и наблюдаемых детей и степенью изученности языковой личности ребенка, противоречие между необходимостью регулировать как гендерные, так и возрастные характеристики, не допуская превалирования определенного пола и определенного возраста. Мы столкнулись также с противоречием внелингвистического и лингвистически ориентированного диалога с детьми. В новом словаре, например, в большей степени отражено, как дети воспринимают тот или иной фразеологизм. Естественнее было бы ожидать, когда ребенок употребит фразеологизм, образно говоря, ждать у моря погоды, но, в отличие от хорошей погоды, искомого фразеологизма в устах детей можно и не дожидаться... Впрочем, и злоупотреблять методикой лингвистического интервьюирования нежелательно. В таком случае мы допустили бы перерастание словаря современного детского языка в словарь детских толкований, толковый детский словарь, что далеко не одно и то же.

Серьезным противоречием, как было уже сказано, становилось также противоречие между целостностью высказывания и его возможной избыточностью для словарной статьи. Минимизировать высказывание, срезать, сокращать его подчас означало увеличивать энтропию детского речения.

Еще одна трудность — в не разработанности записи устной детской речи. Адресация словаря широкому кругу читателей не позволяла сочинять графику. Был использован минимум необходимых обозначений. Внутренний слух читателей, надеюсь, поможет услышать интонацию того или иного высказывания.

Противоречием-препятствием становилась также необходимость представления, гармонизации в словаре правильного и „неправильного” в детской речи. Мы стремились не включать в обобщающий словарь в качестве отдельной единицы правильно употребленное детьми слово, правильно составленное высказывание. Вместе с тем нельзя не заметить, что словарь дает достаточное представление и о правильно употребленных словах и словоформах, обслуживающих, иллюстрирующих, окружающих кольцом то или иное „детское отступление” от правил. Беседуя с детьми и получая подчас неожиданные ответы на вопросы о любимом цвете, самой трудной профессии, самом интересном животном или о растении, которое наш юный собеседник хотел бы изучать, мы накопили некоторый фонд правильных реплик и посчитали целесообразным включить их в словарь, поскольку они высвечивают „детские предпочтения”, сопоставление которых само по себе интересно, тем более интересно отслеживать, как по мере взросления меняется радуга таких предпочтений.

Как видим, многочисленные и разнохарактерные трудности вполне преодолимы на атомарно-интуитивном уровне, когда работаешь с каждой словарной статьей, добиваясь относительной гармонии словарного материала, однако в абсолютном своем регистре выделенные противоречия в принципе непреодолимы, поскольку коренятся в самой природе словаря как жанра, причем словаря не только детского языка. Чистота и полнота, прозрачность и богатство, логичность и удобство пользования — полярные свойства любой коллекции. В своей лексикографической стратегии мы не могли не стремиться к полноте, богатству, удобству пользования словарем. Кстати, итоговая статистика словаря, а именно отношение числа слов к числу высказываний-иллюстраций (8263 к 12980) дала, о чем мы уже упоминали, принцип золотого сечения (0,63). На наш взгляд, золотое сечение на лексикографическом уровне оптимально репрезентирует бесконечное многообразие ситуаций детской речи.

В качестве метода сбора материалов использовались прежде всего собственные записи детских высказываний. Широко применялась запись на диктофон спонтанной детской речи. Были разработаны соответствующие вопросы к информантам, частично опубликованные в предисловии к словарю-тезаурусу (2001 г.). В тех случаях, когда нам любезно предлагали детские высказывания другие аудиторы, особенно не филологи, или когда в памяти оставалось не высказывание, а лишь одно слово, или когда считывалась детская речь на улице, в общественном транспорте, в парке и т.д. — в словаре фиксировался „провал информации”. Это прежде всего отсутствие высказывания, когда за леммой следуют сразу квадратные скобки с указанием пола и возраста ребенка. Информационная щель наблюдается в словаре, когда имеет место приблизительность возраста, проставление возраста „на глазок” (знак тильды), а также не выясненность возраста и/или пола (один или два вопросительных знака). Отсутствие высказываний в словаре системно представлено в отношении колоративов, данных эксперимента с цветовыми картинками („цветофором”), когда дети называли тот или иной оттенок, почти не употребляя предложенческих структур.

Значительно возросший объем картотеки, по сравнению со словарями-предшественниками, наложил свои требования, видоизменив приоритеты в самом расположении детских высказываний — иллюстраций употребления слова. Так, ведущим принципом представления детских высказываний после заявленной леммы, если таких высказываний более одного, стал хронологический принцип, отражающий этапы взросления детей, вехи обогащения творческих контактов детей с данным словом. Этому принципу был подчинен структурно-типологический принцип, а именно разграничение формотворчества, словотворчества, особенностей употребления слова и „детской фразеологии”. На первый взгляд, логичнее было бы, как это было сделано в словаре 1994 г., сначала фиксировать и

характеризовать все факты формотворчества, затем словотворчества, после чего давать словоупотребления и, наконец, приводить иллюстрации „детских фразеологизмов”. Мы пробовали поначалу идти таким путем, но вскоре отказались от такой перспективы. Когда в словарной статье, соседствуя и мелькая, чередуются „разновозрастные отсылки”: 4 г., 2 г., 9 л., 3 г. — это нарушает естественность восприятия, ломает хронологическую логику взаимодействия ребенка со словом. При восприятии словарной статьи такое „пестровозрастное” ее построение смазывает картину детского слова в ее внутренней хронологической гармонии и динамике. Страдающей стороной хронологического приоритета оказались комментарии к формотворчеству ребенка. Они приводились при первом факте формотворчества и далее уже не повторялись.

Была изменена еще одна исследовательская позиция по сравнению с предшествующими словарями. Мы отказались от фиксации имени ребенка, заменив имя „гендерным минимумом”, обозначив лишь только мальчик [м.] или девочка [д.] являются автором приводимого высказывания.

В ряде своих словарей, особенно в словаре-тезаурусе, мы указывали имя и начальную литеру фамилии ребенка — автора высказывания, и в конце приводили алфавитный список фамилий респондентов словаря, если они были нам известны, а таких, естественно, большинство. Фиксация авторства детского высказывания дает возможность отнаблюдать факты речевого своеобразия одного ребенка, сопоставить их, исследовать индивидуальные проявления детской речи. В настоящем обобщающем издании мы отказались от указания имени. Прежде всего, потому, что словарь детского языка призван обобщать материал, и имя в словаре требует разграничения понятий „фиксация” и „авторство” — еще один камень преткновения, еще одно противоречие лексикографического производства. *Бибика* о машине, *луки* форма мн.ч. от „лук” — примеры явной фиксации, когда слово или во втором случае словоформа претендуют на статус общедетских. Мы могли бы зафиксировать эти слова в речи других детей. Совсем другая ситуация со словом *польд* (*Купи мне коньки и польд!* — по льду кататься), где налицо явно авторское словотворчество, и можно указать имя ребенка, зная, что сказанное практически неповторимо. Абсолютное же большинство случаев относится к переходному типу, отражают статусное скольжение от индивидуального к общедетскому. Так, мы не ожидали встретить второго примера на такие слова, как *Светлановна* или *надуванчик*.

Впрочем, была и другая, главная причина не указывания имени ребенка. Связано это с заботой о восприятии словарной статьи. Имя всегда сильно заряжено ассоциациями, оно перетягивает на себя одеяло читательского внимания. Даже набранное меньшим кеглем, оно может превратиться в эмоциональный центр, точку притяжения, что композиционно нежелательно, а в большом словаре и недопустимо. Имя уводит от внут-

ренного строя словарной статьи, в которой ничто не должно затмевать главного — самого высказывания ребенка.

Новым является введение в словарь имен собственных на равных основаниях с именами нарицательными. К сожалению, не допуск в обычные словари имен собственных: антропонимов с их особой ветвью гипокористических имен, не включение гидронимов, топонимов повлияло на то, что ранее мы и не фиксировали детский подход к таким словам, а если и фиксировали, то упрятавали все интересное в области имен собственных под другими леммами.

Если предложение отсутствовало (чаще при назывании оттенков цвета по использованной методике) или же если аудитор не помнил, что именно сказал ребенок, сохранив в памяти только слово, в таких случаях за леммой следовало указание возраста, и на этом словарная статья исчерпывалась.

Наиболее пространные статьи на употребление детьми предлогов, и здесь мы вынуждены были рассредоточить материал по выражаемым предлогами типам отношений, нарушая хронологический принцип, заменяя его внутрикласификационным принципом расположения детских высказываний (предлоги НА, В и др.).

Все пояснения редактора-составителя даны в круглых скобках, пол и возраст ребенка указывался в квадратных скобках, высказывания в рамках одной и той же словарной статьи шли через точку с запятой. Если фиксировалось другое значение слова, то предыдущий ряд закрывался точкой. Знак ударения при ненормативном ударении заменялся выделением (жирностью) соответствующей гласной.

Как было уже подчеркнуто, возраст информантов от года до пятнадцати лет. Естественно, подростковой речи в словаре на порядок меньше, нежели детской речи. Предпочтение отдавалось более раннему возрасту: от трех-четырёх до восьми-девяти лет. Именно на этот период приходится основной корпус высказываний. Мы не фиксировали за редким исключением фонетических особенностей детской речи самого раннего периода, не включали в словарь и феномен метатезы (перестановки слогов). Все это в словаре-тезаурусе 2001 г. приводилось отдельным списком. Так, не вошли в словарь такие слова, как *лигажи* — „Жигули”, *калатан* — таракан, *бату-ретка* — табуретка, *шакулёк* — кошелёк, *тепелька* — петелька, *тебудод* — бутерброд и мн.др. На наш взгляд, в силу своей системности „детская метатетика” требует специального словаря. Что касается детской артикуляции первослов, то она настолько своеобразна, что также требует особого подхода, разработки графики фиксации. Традиционная графика не передает феномена лингвистической каменоломни, того артикуляционного богатства и разнообразия, которое исчезает при транскрипции слов детей-первогодков в режиме привычно взрослого алфавита. На ранних этапах речи нас интересовали сами слова и формы, достаточно интересные даже вне

точной фиксации, без обрисовки их артикуляционного облика.

Словарь адресуется широкому кругу читателей и исследователей. Надеемся, что представленное издание оснастит достаточно обширным полем для наблюдений и сопоставлений не прекращающийся, более того, набирающий в нашей стране силу процесс исследования детской речи. Главный же эффект по своему направлению может стать социально-гуманитарным. Словарь должен привлечь внимание взрослых людей не только к детской речи, которая, как мы постоянно убеждаемся, на порядок выше и интереснее наших привычных ожиданий, но и к своей собственной, взрослой речи, поскольку такой „младовозрастной” словарь обнажает творческую амплитуду, пластику использования родного языка, заставляет подумать о важнейшей инструментальной функции слова, наконец, о необходимости продолжать фиксацию детской речи, сохраняя ее лингвистические сокровища там, где им и положено храниться: в многочисленных, а в идеале еще и многотомных словарях.

Уже после публикации словаря с вышеприведенным предисловием мы пожалели, что среди многочисленных пояснений к изданию не включили еще одного пояснения, а именно ответа на вопрос: почему словарь обозначен как словарь детского языка, а не детской речи. Наряду с весьма весомым приростом знаний дихотомия „язык — речь” привнесла в лингвистические исследования и определенный, к сожалению, тоже весомый минус. Когда исследуется художественная речь, детская речь или речь индивидуальная, то чисто терминологически, на формальном уровне само ключевое слово „речь” отграничивает данные речевые срезы от языка. Выразительность и образность художественного слова, пластика и динамика детского слова, юмористическая амплитуда индивидуального словоупотребления остаются не востребованными языком, не влияющими на развитие языка. Чисто терминологически язык и его носители оказываются разведенными, разобщенными, что не может не влиять на языковое сознание говорящих, на осознание себя как языковой (не речевой же!) личности. Что касается детской речи, то собранный словарь с его 13-ю тысячами высказываний не более чем капля в море несобранных детских речений. Не абсурдно ли отказываться от термина „язык”, поскольку именно детская речь высвечивает пластику и динамизм языка? Правом ли все богатство языка в онтогенезе по традиции называть не более чем детской речью? Название материала вещь не самая принципиальная, если бы не диктат названий, влияющий на таксономические характеристики, иерархические расклады, маркировку приоритетов исследования.

В заключение „вдогонку изданному словарю” приведем некоторые словарные материалы, собранные уже после публикации словаря.

Антикашлетин. Таблетки от кашля [м., 14 л.].

Бог. Кирюша, папа приехал! — О! Слава Богу! Баба, а что такое

„Слава Богу!“? [м., 3 г. 2 м.]

„Буква. — Как называется эта буква? — За! — Почему? — За — за-яц! [д., 5 л.]

Взять. Взять. — Я взянула [д., 4 г.]

Взять. — Возьмай меня на ручки! [? 2 г. 6 м.]

Винойный. Винный. — Мама, я буду пить лимонад из винойного стакана [м., 4 г. 7 м.]

Включалка. Пульт от телевизора [??].

Волосенки. — Как называются „волосы“ у ослика? — Волосенки! [м., ~ 6 л.]

Время. Времена года. — Времена года ходят туда и обратно [д., 5 л. 6 м.]

Вчера. Время с утра до дневного сна [д., 3 г. 6 м.]

Давление. Бабушка жалуется на погоду, плохое самочувствие. Кирилл комментирует: Давление упало, голову разбило и голова болит! [м., 3 г. 1 м.]

Дистрофия. О депрессии. О кошке: Юша лежит, не может встать, у нее дистрофия [д., 6 л.]

Дубленка. О кушанье, салате „сельдь под шубой“. — Бабушка, когда мы будем делать „дубленку“? [д., 4 г. 6 м.]

Евошный. Его. [м., 3 г. 8 м.]

Жаринка. Мальчик маме о зажаренной картошке: Отшкрёбывай мне жаринки! [м., 5 л. 8 м.]

Жар-птица. Птенцы жар-птицы. — Воспитательница была жар-птица, а мы были жар-птица! [д., 5 л. 6 м.]

Жин. Муж. Играет в куклы: Если это жена, то это жин? [д., 4 г.]

Жужка. Пчела [м., 3 г. 4 м.]

Заехивать. Заезжать. — Заехивает на машине [д., 3 г. 3 м.]

Занадобиться. Понадобиться. [м., 3 г. 8 м.]

„Запорожец“. Автомобиль „Запорожец“ — Белая „Запорожеца“ [д., 4 г.]

Заснывать. Засыпать. — Я плохо заснываю [д., 5 л.]

Засушить. О мумиях в музее этнографии: А они такие засушенные, потому что долго здесь сидят? [м., 5 л. 7 м.]

Игруша. Груша [д., 3 г.]; — Мама, пойдем к тете за игрушами! [д., ?].

Иноплатенянка. О женщине, надевшей другое платье. Иноплатенянка! — Может, инопланетянка? — Она же в платье другом! [д., 6 л.]

Искать. Ф. „искут“ вм. „ищут“. Бабушка выключила телевизор. Кирилл: Ой, зачем ты выключила. — Футбол! Я не понимаю! — А это они там мяч искут! [м., 3 г. 4 м.]. — Иски! [д., 5 л. 6 м.]

Карман. — Даша, дерни Вову за усы. — Не хочу. — Ну дерни! — Не хочу. — Ну, даша! — У меня руки в кармане [д., 2 г. 6 м.]

Каштанчик. Стаканчик [д., ~ 4 г.]

Квочка. Кочка. Мама везет дочек на велосипеде. — Мама, когда за-

кончатся эти квочки? [д., 6 л.].

Кирпичина. Падает метеорит. — Мама, смотри, кирпичина от звезды оторвалась! [м., 5 л.].

Клонирование. Клонирование — это такое понятие, когда ребенок рождается без любви, а просто в пробирке [д., 7 л.].

Кнопки. О мозаике. — Мама, дай мне кнопки зайца. — Может, мозаику? — Ну да, мозаицы! [д., 3 г. 1 м.].

Козочка. В сравн. — Мама, ты у нас как молодая козочка! [д., 5 л.].

Коммушкабельный. — Потому что он никому не кабельный! [д., ~ 5 л.]

Корова. — Сколько коровов на лугу! [м., 4 г. 7 м.].

Кто-нибудь. — Мама, ну роди нам хоть кого-нибудь! [м., 4 г.].

Кузюкаться. — Мама, у меня под рубашкой кто-то кузюкается! [? 5 л.]

Кусто. Начинается программа „Одиссея Кусто”. — Мама, папа, идите скорей! „Одиссея в кустах” начинается! [м., ~ 5 л.].

Кыш. Межд. — Кышка, кош отсюда! [д., 5 л.].

Лампа. О луне [д., 2 г. 7 м.].

Летчик. — Кем ты хочешь стать? — Военным. Летчиком. — Почему летчиком, а не танкистом? — Танкиста могут подбить самолеты, а летчик летает над облаками и его не видно [м., 6 л. 9 м.].

Лицо. — Мама, Юшка посмотрела на меня каким-то другим лицом! [д., 6 л.].

Лука. Фраз. „как в лужу смотрела” в знач. „как в воду смотрела” [д. 4 г.].

Лунаявий. Лунный. — Ночь была лунаявая, звезды понаштрыканы [м., 6 л.].

Люблюд. Верблюд. Приехали в Туркмению, увидела верблюда: Люблюд! [д., 1 г. 11 м.].

Май-май. Чай из мать-и-мачехи. — Мама, я пил май-май [м., 3 г.].

Мальчик. — Папа, когда ты был маленький, ты был мальчиком или девочкой? [м., 2 г. 6 м.].

Манка. О сгущенном молоке [? 3 г.].

Мужичок. О жучке. — Папа, смотри, по земле мужички бегают! [д., 3 г.].

Музинчик. Мизинчик. — У меня музинчик болит [д., 5 л.].

Мурской. Морской [м., 8 л.]

Напскать. Найти. — Я искала, искала и наискала [д., 5 л.].

Напеваться. Напеться. Бабушке, пришедшей с репетиции хора: Ну что, напевались, певицы? [? 5 л. 6 м.].

Начинка. — Мама, а что это за машина? — „пирожок”. — А люди, которые в нем, — начинка? [д., 5 л.].

Наший. Наш. — Наша большая машина [м., 3 г. 4 м.]; Нашее в знач. „наше” [д., 4 г.].

Нерв. — Мама, у тебя сердце болго будет жить? — Долго. — А у

мсня? — Да. — А у бабы Любы? — Долго. — ст, ее дед Витюша уже добил. Все нервы истребал! [д., 4 г. 4 м.].

Никогда. Давно. — Мама, я никогда не ел! Я хочу кушать [м., 4 г.].

Носиться. Нестись. — Мам, у нас куры носятся? [д., 6 л. 10 м.].

Обработать. Коля влетает в детский сад, кричит: Как мы сегодня Марию Александровну обработали (обкидали снежками)! [м., 5 л. 6 м.].

Огонник. Пожарный. Называет нарисованных людей: Огонники! [м., 3 г. 1 м.].

Одинногий. С одной ногой. — Сначала одинногий, потом дваногий, потом триногий [д., 5 л. 6 м.].

Пара. — У меня пара ног и рук. Одна пара ног правая, одна пара рук правая! [? 5 л.].

Пешком. — Мама, если машине снять колеса, она пешком ходить будет? [д., 2 г. 6 м.].

Пиксалогия. Психология. — У нас занятия были по пиксалогии [д., 5 л. 11 м.].

Пилило. Пила. [м., 3 г. 1 м.].

Пистолетцы. О летописцах [м., 3 г. 4 м.].

Плывать. — Рыба не плует? [? 3 г.].

Подсказать. Рассказать. Диана берет телефонную трубку, чтобы поговорить с соседкой: Ну что тебе подсказать? [д., 4 г.].

Подсолнух. В сравн. — Мама, глянь! Наша Настя оделась как подсолнух! [м., 5 л.].

Подтеплиться. Погреться. — Мам, дай спички! Я разведу костер и подтеплюсь! [м., ~ 6 л.].

Покупатель. — Мама, можно, когда я вырасту, то стану покупателем? [д., 4 г.].

Пол. Девочка „помыла” пол — Мама, не ходи по чистым полам! [д., 3 г.].

Поломать. Показывает на корки арбуза на дороге: Это арбуз поломатый! [д., 5 л.].

Понаштрыкать. См. „лунявый”.

Понимать. — Мама, что значит, когда тебя целует девочка? — Ты взрослый, и этот вопрос нужно серьезно обсудить с папой. ... Ну что ты узнал? — Я думаю, что папа в этом деле ничего не понимает! [м., 6 л.].

Постановка. О протезировании. — Баба, когда ты пойдешь на постановку зубов? [м., 3 г. 2 м.].

Потанцевать. Ф. „потанцеваем” вм. „потанцуем”. — Мама, давай потанцеваем! [м., 4 г.].

Почка. — Мама, на улице почки на деревьях устали, что светит солнце [м., 1 г. 8 м.].

Продавательница. Продащица [д., 4 г.].

Просливый. О человеке, часто просящем что-либо сделать. — Ма-

ма, ты такая просливая! [д., 5 л.].

Пушкин. — Дед Витя спит на диване. — Баба, а что деда делает. — Бабушка в шутку: Деда умер. — Как Пушкин! [м., 8 л. 6 м.].

Пьяный. — Пьяную водку давали! [м., 6 л.].

Разобрать. Увидеть, разглядеть. — Я на лугу разобрал зайца [м., 4 г. 11 м.].

Разрезывать. Разрезать. — Хочешь, я научу тебя делать цепочки на елку? Берешь полоски, разрезаешь, склеиваешь сначала два колечка. Они становятся похожи на велосипед [м., 6 л. 8 м.].

Родинка. — Мама, я люблю тебя за твою родинку. Когда будешь уезжать, оставь родинку мне! [м., 3 г.].

Рыба. — Если я буду есть рыбу, у меня вырастет хвост! [? 4 г.].

Сердце. Дядя дарит племяннику большого медведя. В знак благодарности мальчик говорит: „у меня сердце не стучит, а притихло!” [м., 5 л.].

Сногий. — Волк был безногий, а стал сногий [д., 5 л. 6 м.].

Собака. Бьет мух: Ух, собаки! (научился у бабушки) [м., 3 г.].

Спокойный. Спокойной ночи! — Мама, разбуди папу, я хочу сказать ему „Спокойной ночи!” [д., 3 г.].

Стенка. В стенке в знач. „испачкаться о стенку, быть в мелу”. — Мама, папапа в стенке! [м., 4 г.].

Стоять. Поджидать кого-либо. — Стой меня! [д., 3 г. 3 м.].

Температур. Градусник. — Мама, у меня температура. Дай температур [д., 5 л.].

Тесто. — Мама, у сестрички животик, как тесто! [?, 3 г.].

Тормозитор. Транзистор [д., 4 г.].

Тротуарт. Тротуар [м., 3 г.].

Уверенный. — Маша, вот Дима смотрит „покойной ночи” и ложится спать. Как ты на это смотришь? — Я еще не уверена, спать мне или нет... [д., 3 г. 2 м.].

Угадать. Узнать. По телефону тете: Нина, да ты что, меня не угада-ла: Это же я! [м., 6 л. 8 м.].

Улица. Мама учит считать: Вот смотри, как у нас располагаются этажи! Мальчик считает: 10,9,8,7,6,5,4,3,2,1. — А дальше? — А дальше улица! [??]

Упасть. Уронить. Дядя племяннице, стоящей на другой стороне улицы: Танюша, скорей беги к нам! — Девочка бежит, падает. — Встает и с плачем: Мама, дядя Игорь меня упал! [д., ?].

Усыпать. Засыпать. Папа уснул, укладывая дочку. Через некоторое время мама входит в комнату, девочка поднимает голову: Тише, мама! Папа усыпает! [4 г. 1 м.].

Утро. — Я встала с утра [д., 7 л.].

Факс. Подражает отцу: Играет и говорит: Сброшу на факс! [м., 3 г. 2 м.].

Цепилка. Прищепка. — Дай мне цепилку! [д., 3 г.].

Червяляной. Червивый. — Папа, зачем ты мне червяльное яблоко дал? [д., 5 л.].

Червячок. О зародыше. — Мария Александровна, вы знаете, как рождает кенгуру? — Нет, Анечка! — Сначала она рождает червячка без ушек и хвостика. [д., 5 л. 10 м.].

Шах. Играют в шахматы. — Я делаю тебе шаг! — А что это такое? — Нападение на твоего короля! [м., 6 л. 9 м.].

Шевелить. С тетей за шахматами: Нина, ну шевели своим королем! [м., 6 л. 9 м.].

Шепот. Ходить шепотом о тихой, неслышной ходьбе. — Мама, я умею ходить шепотом (прошелся по полу босиком) [м., 4 г.].

И.В. ЧЕКУЛАЙ
г. Белгород

СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТОСФЕР МЕРЫ И ОЦЕНКИ В СОЗНАНИИ И РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

*„Мало — это когда ешь и ещё хочется,
а много — это когда хочется, но уже не лезет”
Попугай из м/ф „Как лечить удава?”*

Достаточно наивный детский вопрос „Много — это сколько?” при более пристальном рассмотрении перестаёт быть простым и наивным. Кванторные слова, такие как *много(-ий)/ мало(-ый), немного(-ие)/немало(-ый)* в русском языке уже по данным представленным поверхностным оппозициям обнаруживают существенные черты асимметрии. Действительно, если прилагательное *многий(-ая, -ое, -ие)* характеризует в первую очередь количественную репрезентацию объектов, подлежащих счёту, то внешне конгруэнтное ему (с точки зрения формально-логической оппозитивности) прилагательное *малый (-ая, ое. -ые)* представляет уже отличный от данного концепт, который можно охарактеризовать как „характеристика размера *целого* объекта”: *Малая земля, малые планеты* и т.п., являясь паронимическим вариантом лексемы, обычно передаваемой прилагательным *маленький*. Таким образом, асимметрия семантических отношений сводится к оппозиции „представленный множеством :: цел(ьн)ый”. В то же время оппозиция наречий *много :: мало* в целом является семантически конгруэнтной без каких-либо серьёзных оговорок и представляет ту же концептосферу, что и прилагательное *многий*. Но такая асимметрия присутствует и в оппозиции прилагательных и наречий *немного(-ие)/немало(-ый)*. Вместе с тем при попытке изменения по грамматической